

УДК 1(091)(47)“17”:378

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/3

ИДЕЯ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА: ОТ Ю. КРИЖАНИЧА ДО В.И. ЛАМАНСКОГО

А.В. Малинов¹, М. Мильчарек²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

² Ягеллонский университет
Польша, 31-007, г. Краков, ул. Голембья, 24

E-mail: norylskinikiel@gmail.com

Авторское резюме

В статье рассматриваются две версии общеславянского языка, предложенные в разное время Юрием Крижаничем (ок. 1618–1683) и Владимиром Ивановичем Ламанским (1833–1914), которые представляют два крайних подхода к вопросу об общем языке славян. Считается, что Крижанич разработал искусственный «всеславянский язык», а Ламанский предлагал славянским народам принять русский язык в качестве общего научного, литературного и дипломатического языка. На основе новых исследований славистов показывается, что «всеславянский язык» Крижанича представлял собой исправленную редакцию русской (юго-западнорусской) версии церковнославянского языка. Для выработки языковой нормы он проводил сопоставление «русского» языка с хорватским и стремился очистить такой «русский» язык от греческого, польского и немецкого влияний. Отмечается, что главной целью приезда Крижанича в Москву была церковная уния, проведение которой необходимо было начинать с выработки общего литургического языка. Цели пропаганды церковной унии и служили попытки Крижанича «исправить» русский язык. Указывается, что деятельность Крижанича соответствовала идеологическим установкам барочного славизма, а его взгляды в большей степени отражали ренессансную ученость, чем достижения науки нового времени. В статье показано, что подход Ламанского к возможному общему языку славян вытекал из его историософского учения, согласно которому на место борьбы государств и народов заступило соперничество всемирно-исторических языков. Принятие славянами русского языка в качестве общего научного, дипломатического и литературного выведет русский язык на уровень языка

всемирно-исторического, а славян делает равноправным субъектом исторического процесса. Отмечается, что Ламанский признавал известную искусственность любых литературных языков, в т. ч. и русского.

Ключевые слова: общеславянский язык, уния, барочный славизм, русский язык, геополитика, цивилизация, славянство, славянофильство, Крижанич, Ламанский.

THE IDEA OF COMMON SLAVIC LANGUAGE: FROM J. KRIŽANIĆ TO V.L. LAMANSKII

A.V. Malinov¹, M. Milczarek²

¹ St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

² Jagiellonian University

24 Gołębia Street, Kraków, 31-007, Polska

E-mail: norylskinikiel@gmail.com

Abstract

The article considers two versions of the common Slavonic language proposed by Juraj Križanić (c. 1618–1683) and Vladimir Ivanovich Lamanskii (1833–1914), who followed two extremely different approaches to this problem. Križanić is believed to have invented the constructed common Slavonic language, while Lamanskii suggested that the Slavic nations should adopt Russian as a common scholarly, literary and diplomatic language. Basing on the new Slavic researches, the article shows that Križanić's "common Slavonic language" represented a modified version of the Russian (South-Western-Russian) Church Slavonic language. To elaborate new language norm, he juxtaposed "Russian" with Croatian and tried to purify it from Greek, Polish and German influences. Križanić's visit to Moscow aimed at Church union which had to be started from the creation of the common liturgical language. Križanić's attempts to "correct" Russian language served similar objective of the Church union propaganda. The author points out that Križanić's activity corresponded to the ideological approaches of the Baroque Slavism and his views reflected Renaissance erudition rather than the achievements of the modern science. The article demonstrates that Lamanskii's approach to a common Slavic language was based on his historiosophic doctrine, according to which the struggle between states is replaced with a competition of the world-wide languages. The adoption of Russian as a common Slavonic scholarly, diplomatic and literary language

would make it world-wide, so Slavs would become an equal subject of the historical process. Lamanskii acknowledged that any literary language, including Russian, was artificial to some extent.

Keywords: common Slavonic language, Union, Baroque Slavism, Russian language, geopolitics, civilization, Slavdom, Slavophilism, Križanić, Lamanskii.

Хорват, католический священник Юрий Крижанич воспитался в Риме, был ближе к Вене, чем к страшно тогда далекой Москве. Но не в Вену, а в Москву, не к Габсбургу Леопольду I, а в Москву к Романову Алексею Михайловичу обращался он с своими планами об освобождении славян от чужого ига. Еще 200 лет с лишком назад хорват, духовное лицо, католик засвидетельствовал своими замечательными трудами, своею страдальческою жизнью у нас на Руси свою глубокую, беззаветную преданность русскому народу и государству, свою неколебимую веру в мировое призвание России.

В.И. Ламанский. «Киевское приветствие епископа Штроссмайера» (1889)

История изучения наследия Ю. Крижанича насчитывает около полутора веков. За это время сформировались устойчивые преставления о его учении. Крижанича воспринимают как первого панслависта (Eberhardt 2010) и создателя всеславянского языка. Однако живучие представления не лишены некоторой доли мифологичности, поскольку исследователи видели в личности и учении Крижанича прежде всего то, что хотели увидеть. Априорность восприятия Крижанича, заданная идеологическими и политическими ожиданиями XIX в., сохраняется до сих пор.

Обоснование всеславянского языка давалось Крижаничем в двух сочинениях: «Објасњење виводно о письме словенском» (1661), к созданию которого его подтолкнула работа над латино-славянским словарем (Пушкарев 1984: 92), и «Граматично изказаноје об руском језику» (1666). Большую часть использованного Крижаничем языка составляла общеславянская лексика, значительную часть – слова из русского, церковнославянского и сербохорватского и в меньшей степени – польского и других языков. При этом до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о том, какой язык «изобрел» Крижанич. А.С. Лаппо-Данилевский, например, высказывал предположение, что Крижанич сначала писал на латинском, а лишь затем переводил на славянский (Лаппо-Данилевский 2005: 393). Первые исследователи считали этот язык искусственным. Современные слависты склонны

видеть в языке ученого хорвата «исправленный» вариант уже существовавшего письменного языка. Н.Н. Запольская прямо говорит о необходимости «отказаться от традиционного мнения, согласно которому Крижанич “создал искусственный общеславянский язык”», а его грамматика была “грамматикой придуманного языка”» (Запольская 2003: 148). По ее словам, «“Руский” язык Крижанича явился результатом *исправления* церковнославянского языка (русского извода), т. е. представлял собой вариант *традиционного “общего” славянского литературного языка*, а не искусственно созданный новый “общий” славянский литературный язык» (Запольская 2003: 222). В диссертации М.В. Ослон отмечается, что «тексты Юрия Крижанича в большой степени отражают живой язык его времени, а не являются искусственным построением» (Ослон 2009: 4). При этом исследователь считает, что в используемом Крижаничем языке преобладает чакавско-кай-кавский диалект хорватского языка (Wiesław 1986).

Стоит отметить, что в XIX в. сторонники принятия славянами русского языка в качестве общего литературного, научного и дипломатического, в частности, славянофильски ориентированные слависты П.А. Кулаковский и А.С. Будилович, квалифицируя язык Крижанича как искусственный, делали ряд существенных оговорок. Так, П.А. Кулаковский, полагая, что с Крижанича начинаются попытки построить общеславянский искусственный язык, писал, что «Юрий Крижанич первый задумал о возможности создать один общий славянский язык на основе тогдашнего книжного русского» (Кулаковский 1885: 9), «Крижанич искал общеславянского языка в русском книжном языке XVII века, стараясь лишь установить тип общих форм применительно разумению всех остальных славян, с языками которых он был более или менее знаком» (Кулаковский 1885: 13). Итог такого языкового конструирования П.А. Кулаковский считал неудовлетворительным. «В результате, – полагал он, – получился язык уродливый, так сказать, русско-хорвато-сербский, лишенный именно того, что делает его точным и легким, ясным и живым» (Кулаковский 1885: 16). Интерпретация Кулаковского имела явное желание показать неэффективность попыток искусственного устроения общеславянского языка, на роль которого претендовал русский язык. В то же время, замечал он, обращение Крижанича к русскому языку не было случайностью, поскольку у южных славян, по крайней мере с XV в. (например, у Константина Костенечского), бытовало представление о русском языке как о древнейшем и самом чистом.

Европейское языкознание XVIII–XIX вв. (И.Г. Гердер, И.К. Аделунг, Й. Добровский, Е. Копитар, А.Х. Востоков) рассматривало славянские языки в качестве наречий одного языка. Интеллигенция славянских

народов также была убеждена, что славяне являются одним народом, имеющим общий язык. С этих позиций были написаны исследования одного из учеников В.И. Ламанского, А.С. Будиловича (Будилович 1872; Будилович 1875; Будилович 1877), в т. ч. числе двухтомная монография «Славянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (1892). Рассматривая историю формирования общих языков в античности и современном мире, он демонстрировал естественность процесса языковой унификации и его благотворное значение для развития народов и их культуры. «Общие языки, – писал А.С. Будилович, – составляют не какое-либо исключительное или редкое, а довольно обычное и нормальное явление, которое при благоприятных условиях развивается у каждого крупного народа, сопровождая его на высших ступенях и в высших областях культурной жизни» (Будилович 1892а: 420). «Общие языки, – продолжал он, – сближают самые отдаленные области и разнообразные населения возможностью взаимного обмена мыслей, чувств, желаний; служат основой и символом национального единства; сопровождают все великие религиозные движения и облегчают их распространение на громадных нередко территориях; сплачивают обширные политические союзы; облегчают задачи школы, а наконец, создают для великого писателя и сподручный материал для воплощения его дум, и высокий пьедестал для действия на современников и потомство» (Будилович 1892а: 427).

Создание единого языка, полагал А.С. Будилович, является признаком исторического народа, а неспособность выработать такой язык нередко служила причиной гибели племен, несмотря на их многочисленность и распространенность (Будилович 1892а: 428). Такая участь может постигнуть и славян, если их не объединит общий язык. Возможности принятия такого общего языка и его исторической оправданности был посвящен второй том книги А.С. Будиловича, один из разделов которой был отведен Крижаничу (Будилович 1892b: 309–319). Он особо подчеркивал первенство русского языка и русского народа, отмечаемое Крижаничем. «Как “русское племя и јеме јест”, по его словам, “осталним всим вершина и кореника”, – излагал А.С. Будилович мнение Крижинича, – так и русский язык представлялся ему основным стволом прочих славянских наречий, именно южных, чешского и ляхского, которые “јесут руского језика отродки”» (Будилович 1892b: 315). Крижиничу «боснийско-хорватская речь казалась <...> даже первобытнее и граматичнее русской, которая зато в лексикальной обрасти богаче-де и хорватской, и всех прочих “отмин”» (Будилович 1892b: 316). В заключение А.С. Будилович указывал лишь на «некоторую искусственность» языковых опытов Крижанича, признавая в

целом «обычность» такого подхода при сравнении с историческим опытом формирования других общих языков. «В теории, – писал он, – этот способ образования общеславянского языка, на основе русской, с примесями хорватскими и применительно к общим стремлениям прочих славянских наречий, представляется довольно целесообразным. Некоторая искусственность такого образования и применение эклектического приема при выборе форм и слов довольно обычны в истории образования общих языков» (Будилович 1892b: 316).

Исторический обзор складывания общих литературных языков приводил А.С. Будиловича к мысли о желательности такого языка для славян. Он сочувственно отзывался и о возможном едином языке всего человечества или трех-четырех языках, объединяющих людей, надеясь, что в их число войдет и общеславянский язык. Славяне в этом отношении не отличаются от других народов древности и нового времени. Исторически среди славян первенствовали разные славянские наречия: болгарское, чешское, сербское, польское. Согласно историческому экскурсу А.С. Будиловича, «прежде и раньше всего совершил этот оборот диалект болгарско-пропонтидский. Уже в X в. он стал общим языком во всех трех группах, а потом, с XII–XIII в., по утрате областей западнославянских, сосредоточил свои силы преимущественно в группах южной и восточной, где он и доныне остается в литургическом употреблении. С XI–XV века начинается подъем диалектов сербского и чешского, причем они становятся в большей или меньшей мере общими дипломатическими языками для целых групп, первый – для южной, второй же – для западной с сопредельными инородческими краями. В XVI и XVII вв. блестящие завоевания делает язык польский, особенно на почве русско-литовской, так что на некоторое время и он возвышается до роли языка общего» (Будилович 1892b: 359). Вполне естественно ожидать, что пришла очередь русского языка выступить в качестве языка общеславянского.

Обозначенная А.С. Будиловичем тенденция внушала уверенность в успехе принятия общего литературного языка славянами, по крайней мере, потому что еще на заре славянской истории такой язык уже существовал. Созданный в IX в. Кириллом и Мефодием старославянский литературный язык после XII в. удержался лишь в православных землях южных и восточных славян. Он сохранял свой надэтнический характер, хотя и «обслуживал прежде всего религиозную литературу» (Чуркина 1998: 22). В Москве Крижанич столкнулся с несколькими вариантами письменного языка: церковнославянским, славянорусским и двумя типами приказного языка (московским и западнорусским). Крижанич взялся за «исправление» русской (юго-западнорусской) редакции церковнославянского языка, намереваясь сделать ее понятной

всем славянам. Он считал все славянские наречия разновидностями одного языка, который правильнее, полагал он, называть «руским», а не славянским (славенским). По его словам, «да језик наш сеь, коим ми књи́ги пи́шм и божьи́е служби отпра́вля́ем, зоветсе словинским: гди по правде моралви се зват Руским» (Крижанич 1859: I).

Одна из возможных причин такой замены состояла в том, что «термин “славенский”, используемый русскими авторами XVII в., имел значение конфессиональное, обозначая язык православия» (Матхаузерова 1996: 152), Крижанич же намеревался обработать язык, которым могли бы пользоваться все славяне, вне зависимости от вероисповедания. Можно отметить, что в хорватской историософии сложились две нарративные модели интерпретации России (Руси): как православного государства и как славянского народа (Falski 2011). «Рускому» языку, с точки зрения Крижанича, принадлежало первенство как источнику всех прочих славянских наречий и диалектов. Он признавал шесть народов и «шест језичних славни́их отмин»: русские, поляки, чехи, болгары, сербы и хорваты. «Їзмежду всих пак тих народних предилов, наистарије, и остални всим зачално, јест лѹдство и јме руско <...> А остална та вса поколенја, како сут из русјанов произошла, тако по нудже и јмена нѣихова јесут младжа от руского јмена» (Крижанич 1859: I). Как писал Крижанич, «јеже руско племе и јме јест осталним всим вершина и кореника. ј потому, когда хошем общи јменом објат, и разумит все наше шестеро поколенје, и всих шест јзичних отмин: несподобитсе њих зват нобичним словинским, него паче предавни и кореничним руским јменом. Ј сице не руска отмина словинскије отмини плод: него словинска, и чешска, и лешска отмина, јесут руского језика отродки» (Крижанич 1859: II).

Однако «русский» язык необходимо было усовершенствовать (сделать правильным), чтобы он мог использоваться в качестве общего славянского языка: «такo в њем размаитих превратов и поблудков несчетна јест множина» (Крижанич 1891: 27), «наше словенско писмо и јзѣик <...> потребуе изѣжанја» (Крижанич 1891: 29). Неправильность же его проистекала от разделения на разговорный язык Московской Руси, разговорный язык Юго-Западной Руси и книжный (церковнославянский) язык. Он фиксировал языковые варианты, с которыми столкнулся в Москве: «...сам же рускиѣ језик на троје јест раздѣльен. Јест бо рускиѣ общиѣ, и подлинниѣ: коим на великоѣ руси говорят; белорускиѣ: киѣ јест некое мерзко смешенје из руского да лешкого; и књи́жниѣ, или преводничкиѣ: киѣ тако же јест мешанина из греческого да руского древьего» (Крижанич 1891: 28). Вторым по «чистоте» после «русского» Крижанич считал хорватский язык, который в процессе «исправления» использовался как дополнение к «руско-

му» языку. Подобную работу, т. е. исправление хорватской редакции церковнославянского языка, уже проделал другой католический миссионер хорватского происхождения – Р. Левакович. Крижанич же принял на себя задачу исправления русской редакции церковнославянского языка. В самой практике «исправления» не было ничего необычного. На Русь неоднократно приглашались книжники для правки богослужебных книг. Более того, в XVI–XVII вв. обнаруживается тенденция к грамматической обработке европейских языков. По словам Н.Н. Запольской, «желание и готовность Крижанича служить делу просвещения нашли в Московской Руси государственную поддержку, поскольку вторая половина XVII века являлась временем последовательной и систематической языковой нормализации, которая осуществлялась посредством создания грамматик и проведения книжной sprawy» (Запольская 2003: 99).

Правильность и понятность языка достигались установлением соответствия «русского» языка хорватскому. Такое соответствие Крижанич воспринимал в качестве языковой нормы. Однако «хорватские элементы допускались Крижаничем только при условии невозможности достижения “прозрачности” языка средствами самого “русского” языка» (Запольская 2003: 222). Еще одним средством «исправления» русского языка выступало очищение его от греческого влияния, приносившего в него «избыточность», а также от польского и немецкого воздействия. По словам Крижанича, «беседа и письмо наше много-различно из лешского, греческого, и латинского языка, бе замячено, превращено, и скаженно» (Крижанич 1891: 29). Критика греческого языкового влияния подразумевала и негативное восприятия греческого религиозного засилья.

Конфессиональная критика в учении Крижанича о языке имеет большее значение, чем ей обычно придают. В Москву он прибыл, прежде всего, как миссионер, главной целью которого была пропаганда церковной унии. Единство славян, которого жаждал Крижанич, – это единство в первую очередь духовное, т. е. религиозное. «Твердо убежденный в благах католической культуры, он искренно желал в надлежащей мере способствовать прививке ее славянам», – утверждал А.С. Лаппо-Данилевский (Лаппо-Данилевский 2005: 206). В пропаганде церковной унии в Москве и связанного с ней языкового вопроса у Крижанича был предшественник – А. Поссевин, знакомство с «Записками о московских делах» которого вдохновило его на идею «разрушения схизмы» (Никоненко 1996: 53). Национальный и языковой вопросы для Крижанича были подчинены вопросу вероисповедному. Он как «сторонник провиденциализма в истории» (Лаппо-Данилевский 2005: 204) полагал, что конечной целью

истории является «соединение» церквей, шагом к которому должно служить объединение славян (католиков и православных). В свою очередь языковое сближение позволит снять многие противоречия, накопившиеся между славянами, заглушить взаимные обиды: «... ко исправленју, ко изтежанју, и к совершенју језика: него тож и ко упокојенју народних сьсор бит поспешил» (Крижанич 1859: V).

Одна из целей приезда Крижанича в Москву состояла в том, чтобы противостоять протестантскому влиянию, препятствовавшему религиозному взаимопониманию православных с католиками. Однако на первых порах Крижанич старался скрыть свое истинное намерение (унию) и придал сочинениям светский характер, «благодаря которому его культурно-националистическая тенденция и выступила на первый план» (Лаппо-Данилевский 2005: 207). Он не отдавал предпочтения национальности перед верой. Национальные определения у Крижанича были отзвуками религиозных различий. Так, осуждая немцев или греков, он подразумевал протестантов и схизматиков соответственно. Его миссионерская деятельность была основана на иезуитской морали, сопряженной «с культурно-националистической тенденцией» (Лаппо-Данилевский 2005: 206). Славяне, полагал он, были введены в заблуждение греками, поэтому и примкнули к схизме. Задача просвещения славян состоит в том, чтобы посредством образования показать ложность схизмы и опровергнуть заблуждения, внушенные греками. Еще в 1641 г. в записке, направленной префекту Конгрегации пропаганды веры, он указывал на то, что просвещение должно предшествовать религиозной пропаганде, «а значит, лишь увещевать их (русских. – А.М., М.М.) к добродетелям, к наукам и искусствам, по введении каковых было бы уже более легким делом указать им заблуждения и обман» (Белокуров 1903: 117).

Исправление языка послужит средством распространения образованности среди славян и упростит пропаганду церковной унии. Исправление языка нужно и для исправления веры, и для пропаганды истинного вероучения. Правильный язык – путь к правильной вере. Разумное отношение к вере опиралось на разумное же «изтяжанја» языка. Разумный подход к вере при ясном, понятном (=разумном) языке способен показать ложность религиозных заблуждений и не допустить впредь разногласия по поводу исправления книг, которое, по его мнению, привело к расколу. Крижанич писал, что «једнакоже исправљеније језика, и устројенје духовних бесид, иист сујетно, него паче верло полезно дидло; або посабљајет к легльему изреченју, и ко уразумљенју всаких благоговејних отеческих дум, и души спасајущих совитов. До сих во врмен во всаких преводех наших, в никоьих мистех вного јест ричь, а мало разума. Чујетсе шу вногих нескладних,

превращения и обламания речей: а разумных, и душных никаких не ползи из них извет ист возможно» (Крижанич 1859: V). Церковную унию, которая могла последовать за распространением на Руси образованности и науки, следует вводить «сверху». «Замысел Крижанича, – писал В.С. Никоненко, – заключался в разрушении схизмы не в церкви, а “при дворе”» (Никоненко 1996: 57), поскольку власть московского государя позволяла провести церковную реформу. Не случайно сочинения Крижанича были адресованы московскому царю.

Н.Н. Запольская соотносит деятельность Крижанича по созданию общеславянского языка с «конфессиональным универсализмом XVII в.». «Его сутью, – поясняет исследовательница, – была идея конфессионального подчинения греческого культурно-языкового пространства латинскому. Важнейшим этапом в проведении Римом “глобальной унии” являлась “славянская уния”, актуализировавшая в славянской культурной памяти “конфессиональный императив”. При этом переход от умопостигаемой унии к реальной церковной жизни должен был осуществляться через “общий” язык богослужения, поскольку церковнославянский язык оставался единственным литургическим языком *Slavia Orthodoxa* и маргинальным, поддерживаемым хорватами-глаголитами, литургическим языком *Slavia Latina*. <...> Именно литургический язык хорватов-глаголитов мотивировал традицию использования языковой близости славян как средства достижения церковного единства» (Запольская 2002: 22).

Уже Брестская уния 1596 г. предусматривала объединительное значение церковнославянского как общего литургического языка. Задача выработки на основе церковнославянского общеславянского языка для целей унии была сформулирована не Крижаничем, а задолго до того, как он прибыл со своей миссией в Москву. «После заключения локальной Брестской унии началась подготовка к общей “славянской унии”, что мотивировало задачу создания единой редакции церковнославянского языка, которая могла быть понятной всем славянам, принадлежавшим как “греко-славянскому”, так и “латино-славянскому” культурно-языковому пространству» (Запольская 2002: 23). В этом направлении действовали и хорватский монах Р. Левакович, и холмский епископ М. Терлецкий, поддерживавший Крижанича.

Славянофильское прочтение идей Крижанича в последнее время также подвергается сомнению. В частности, деятельность и учение Крижанича вписываются в традицию *барочного славизма* (Пашенко 2014: 94), истоки которого можно усмотреть в «культуре хорватского гуманизма XV в.». Дело здесь не только в том, что культура барокко нередко связывается с католической контрреформацией и «иезуитизмом». Барочный славизм «содержит в себе уважение к своему

языку, размышления о его связи с народом, нацией и также с историей» (Матхаузерова 1996: 152). Мировоззренческие и культурные установки барочного славизма объединяют таких авторов, как Ян Амос Коменский и Симеон Полоцкий, «так как они оба стремились к усовершенствованию языка на основе образованности, рационального познания и сопоставления с другими языками» (Матхаузерова 1996: 152). Исследователи барокко указывают на «существование “межславянской словесности” как составной части “генеральной” литературы европейской и мировой» (Матхаузерова 1996: 151).

Итак, истоки утопического славизма Крижанича следует видеть в культуре барокко, а введение церковной унии, в т. ч. посредством языковой унификации, – в католической политике, по крайней мере, с конца XVI в. «Ни одна из этих идей, – пишет Е.Н. Пашенко, – не представляла что-то новое и необычное: славизм – хорватская тенденция; обеспокоенность чужеземными влияниями в языке пронизывает хорватскую барочную лексикографию; идея церковного диалога принадлежала Риму; поездку в Москву к царю с целью диалога еще в начале XVI в. осуществил Зигмунд фон Герберштейн и т.д.» (Пашенко 2014: 103). Главная цель приезда Крижанича в Москву (уния) так и не была реализована. Более того, он даже не смог приступить к ее осуществлению, а лишь попытался «реализовать идею панславизма хотя бы в общеславянском лексиконе» (Киселева 2015: 108). В целом надо признать, что миссия Крижанича окончилась неудачей. Одну из причин этого А.С. Лаппо-Данилевский видит в том, что «католические убеждения Крижанича не только задержали полет его мысли, но и послужили существенным препятствием к распространению его взглядов в московском обществе» (Лаппо-Данилевский 2005: 249). Нередко печальную участь Крижанича в Московском государстве оправдывают несвоевременностью его идей. Однако взгляды Крижанича не выходили за рамки политических теорий XVI–XVII вв. В России он был скорее проводником ренессансной учености, а не передовых концепций XVII в.

Идея всеславянского языка получила развитие среди славянских ученых в XVIII–XIX вв. (Б. Кумердей, Й. Добровский, Я. Геркель, Й. Юнгман, Л. Штур, Ф. Левстик, М. Плетьершник, К. Сладковский, Э. Грегг, М. Маяр, Д. Трстеньяк, Р. Разлаг, А. Эйшпиллер, А. Янежич и др.). Наибольшую поддержку она встретила у чехов и словаков (Чуркина 1998: 24). Помимо попыток создать искусственный общеславянский язык, предлагались и другие варианты, например, принятие в качестве общего языка одного из существующих славянских языков, а также теория литературной взаимности Я. Коллара, предусматривавшая постепенное сближение четырех основных славянских языков (чеш-

ского, польского, сербохорватского и русского). Одним из активных сторонников и пропагандистов русского языка как общеславянского был славист, профессор Петербургского университета В.И. Ламанский (Malinov, Kupriyanov 2019).

В учении Ламанского язык поднимается до роли культуросоцидающей и геополитической силы. Он различал три цивилизационных мира: Европа, Азия и греко-славянский, или Средний мир. Развитие языка служит главным показателем формирования политической нации и исторического народа. Ламанский отказывается от идеи равенства народов. «История имеет дело с одними избранными, – провозглашал ученый. – Она нарушает это естественное равенство, возвышая и выделяя некоторые народы и языки в ряду прочих, которых затирает, давая им скромно прозябать или совершенно их заглушая. Так в человечестве возвышаются и выделяются народы исторические, великие национальности, создающие большие мировые державы и богатые литературы и образованности. Самостоятельная государственность и выработанный литературный язык – вот два необходимые признака великой исторической национальности. Если первая представляет собою вещественную силу и внешнее единство, то второй служит знаменем его единства внутреннего, залогом и скрепою его нравственных сил, главным рычагом его влияния на другие народы. Образование сильных государств и их содержание не обходится народам без тяжких пожертвований, затрат и лишений. Они оправдываются лишь высотой и величию идеи, во имя которой приносятся» (Ламанский 1875: 417–418). Главными условиями формирования исторического народа, согласно Ламанскому, выступают государственная независимость и развитая литература. По-своему эта мысль была, вероятно, впервые на Руси, высказана Крижаничем. Он указывал на связь языка и государственности, отмечая невозможность литературного развития вне политической независимости. «Гди бо в коєм народу нист књижних писателъев: ни краљевских приказов, и народного устројенја ил законодавја, во властитом језику: тамо по иудже казитсе језик и погибајет. А гди јест краљевствено дило, и народно законодаје, во својем језику устроено: тамо језик обикајет бит обилным, и од дне до дне творитсе стројини», – писал Крижанич (Крижанич 1859: III).

Цивилизационное своеобразие романо-германского и греко-славянского мира, считал Ламанский, проявилось среди прочего в «разнице в проводниках цивилизации» (Ламанский б. г.: 39). Широкое распространение на Западе приобрел латинский язык, в то время как греческий язык на востоке Европы уступил место сначала древнеславянскому письменному языку, а затем и различным славян-

ским наречиям. Древнеславянский язык и близость существующих славянских языков служат лучшим гарантом славянского единства и историческим свидетельством славянской взаимности. В магистерской диссертации Ламанский признавал с очевидностью «положения незыблемого, что славяне всегда и во все времена сознавали единство своего общего происхождения, а потому и через то самое чувствовали друг к другу взаимное притяжение, которое поддерживалось у всех сходством языка, ослаблялось у одних вероисповедною борьбою, скреплялось и освящалось у других единоверием» (Ламанский 1859: 220). «Наш древнеславянский язык, – пояснял он в статье “Непорешенный вопрос”, – был первою попыткою славянского народного гения создать самостоятельную образованность с её особым органом. Это был один из первых видов проявления внутренней потребности славянского мира в одном общем или всеславянском языке; тут сказалось стремление народного духа к самосознанию, цельности и единству» (Ламанский 1869: 132).

Единый письменный язык, считал Ламанский, всегда является в известной степени искусственным образованием, но без него невозможно историческое и культурное развитие народа. «Сверх того, – писал он, – всякий письменный язык, чем он древнее и богаче памятниками словесности, чем он образованнее и культурнее, тем более удаляется от собственно народного языка, который в свою очередь отличается тем большим диалектическим (так в тексте, должно быть – диалектным. – А.М., М.М.), чем народ сильнее и богаче историей, и, следовательно, чем разнообразнее его этнографический состав, чем более он поглотил или поглощает чуженародных стихий, чем обширнее его государственная область. В этом смысле всякий письменный язык есть язык искусственный и смешанный из нескольких говоров, поднаречий и наречий. Недостатки такой искусственности исправляются развитием грамотности в народе, быстрыми путями сообщений, гласностью судов, общим государственным значением языка, возрастанием больших городов, средоточий народной образованности и национально-политическим развитием купечества. Стирая таким образом диалектические (диалектные. – А.М., М.М.) неровности живой народной речи, письменный национальный язык приближает ее к себе и сам с нею сближается, черпая ее богатства и вдохновляясь ее творческою непосредственностью» (Ламанский 1869: 126–127). «В этом же приблизительно смысле, – пояснял Ламанский, – и древнецерковный язык славянский не есть собственно известное народное наречие, а язык искусственный и смешанный» (Ламанский 1869: 127).

Древнеславянский письменный язык во многом утратил свою

объединяющую функцию, сохранившись лишь в качестве богослужебного языка у православных славян. Вместе с ним ослабло и чувство единства, и обессилили народы, постепенно утратившие свою политическую независимость. Без возвращения к единому языку и без восстановления государственности славяне обречены на историческое прозябание и культурное ничтожество. «В самом деле корень бессилия и ничтожества славян, – писал историк, – заключается в том, что они, принадлежа к всемирно-историческому племени, одушевлены и проникнуты честолюбием всемирно-исторических народов, но в то же время лишены двух необходимых условий, без которых ни одна народность не может иметь всемирно-исторического значения и не заслуживает названия исторической национальности, ибо между понятием *народности* и *нации* есть существенное различие... Не всякая народность есть и может быть нацией... ибо народы бывают нациями только при двух условиях – богатой литературе и при независимом государственном бытии» (Ламанский 1864: 680).

Из всех славянских народов только русский народ сохранил государство и создал литературу, имеющую мировое значение, поэтому способом сохранения для других славянских народов Ламанский считал принятие ими русского языка в качестве литературного, научного и дипломатического. Без опоры на Россию у славянских народов нет исторического будущего. Им следует отказаться от национального эгоизма и принять русский язык. «По размышлении зрелом, – надеялся он, – славяне убедятся, что без известной игемонии не обходится ни один великий народ, ни одно историческое племя, что на *деле*, *de facto*, предводительство в мире славянском уже давно принадлежит России, что принять русский язык за общелитературный и дипломатический орган чехам, сербам, болгарам точно так же мало унизительно, как было ломбардцам, пьемонцам, сицилийцам и неаполитанцам признать тосканский общетальянским языком» (Ламанский 1865b: 34–35).

Среди славянских народов русский народ выступает силой центростремительной, воплощает начала единения и общения, тогда как остальные славянские народы в разной степени подчинены силе центробежной. Тем не менее Ламанский был убежден в неизбежности объединения славян. «Славянские разновидности могут – идут к тому, чтобы сложиться в один всемирно-исторический вид, ибо, кроме русского языка, ни одно из восьми наречий славянских с своими словесностями не может избавить эти восемь славянских народностей от жалкого, зависимого положения от иноплеменных влияний» (Ламанский 1865a: 91). В противном случае славяне будут ассимилированы другими, более успешными в политическом, куль-

турном и языковом отношениях народами. Однако в деле сложения единого народа и принятия одного языка недопустимо принуждение. «Для принятия славянами русского языка дипломатическим языком и общим органом высшей образованности прежде всего потребно их добровольное согласие, ибо о насильственном распространении не может быть и речи», – заключал Ламанский (Ламанский 1865а: 91).

На смену мировой борьбы народов и государств, полагал он, приходит конкуренция языков, объединяющих нации и территории в самобытные цивилизационные миры. Язык приобретает всемирно-историческое значение. Из современных ему европейских языков три романских (французский, итальянский и испанский) и два языка германских (английский и немецкий) «достигли более или менее значения всемирно-исторического» (Ламанский 1871: 48). Соперничество между ними в Европе, в обширных европейских колониях и в Северной Америке продолжается. Однако Ламанский считает, что исход этой борьбы предрешен. Значение французского и немецкого языков сохранится только в Европе. Мировое значение останется за английским и испанским языками, но постепенно преобладание английского языка усилится и потеснит испанский даже в Южной Америке. Центр романо-германского мира перемещается в Новый Свет. В греко-славянском мире складывается иная ситуация. Малочисленные славянские народы, а также этнологические стихии Среднего мира (греки, армяне, грузины и проч.) слабы политически и культурно. У русского языка в Среднем мире нет конкурентов, так же, как у народов греко-славянского мира нет альтернативы принятию русского языка, кроме культурного прозябания и исторического небытия. «В нашем мире, – уточнял Ламанский, – ни один из современных языков, кроме русского, не может иметь притязания на значение всемирно-историческое, на сколько-нибудь большое распространение вне пределов своих тесных родин. Для всех этих славянских народностей и многочисленных инородцев орудием обоюдного понимания и взаимной связи, общим дипломатическим органом и даже языком высшей образованности может быть только язык русский» (Ламанский 1871: 49). Русский народ и русский язык способны взять на себя роль цивилизационного объединения народов греко-славянского мира.

С этой точки зрения, язык становится геополитической силой. Ламанский даже говорит здесь об особом историческом законе: «Существует выработанный историей с помощью наблюдений закон, что чем отдаленнее друг от друга, чем разнообразнее и различнее земли и народности, между которыми ощущается потребность в усвоении известного чужого языка, тем этот язык приобретает значение все-

общего и мирового языка. Этот мировой характер языка зависит не от того, что, например, каждый испанец лучше француза и англичанина или каждый русский лучше словинца, чеха или немца. Нет. Это вырабатывается силами, не зависящими от личной воли человека, именно: географическими условиями, площадью страны, количеством душ, чувствующих потребность в усвоении известного языка, и тем, сколько пустого ещё пространства находится в обладании известного народа, т. е. сколько условий для развития языка» (Ламанский 1871: 62). В другом своем лекционном курсе он уточнял: «Распространение русского языка есть распространение русской мысли, русского влияния» (Ламанский 1867: 152).

Еще в магистерской диссертации Ламанский вопрошал: «Распространение языка известного народа вне пределов его отечества не находится ли в тесной связи с распространением умственного влияния этого народа на те страны, в которых принимается этот язык?» (Ламанский 1859: 120). Общий язык формирует единое мировоззрение, культуру, снимает противоречия, заглушает исторические обиды и в перспективе ведет к политическому сближению. Долгий жизненный путь Ламанского позволил ему видеть, в каком направлении развивается русская культура, завоевывающая всемирно-историческое признание, и к чему стремятся славянские народы. В его публикациях и письмах можно найти много пессимистических оценок, особенно тех процессов, которые происходили в славянском мире. Однако достижения русской культуры он оценивал положительно и видел возрастающую роль русской литературы и языка.

Так, в одном из поздних посланий хорватскому слависту И.В. Ягичу он писал: «Смерть нашего великого писателя Л. Толстого напомнила мне Ваше письмо ко мне о том, что русский язык еще не мировой благодаря силе нашей бюрократии, и благодаря ей он и быть не может. Но так ли это? Пушкин и Грибоедов, Гоголь, Достоевский, Толстой – ведь это великие, гениальные писатели не в славянстве лишь, но в целом европейском мире, а частью и в Америке (Сев[ерной]). Русский язык – мировой и потому, что на нём говорят сотни тысяч наших инородцев и нескольких сотен и даже тысяч японцев и китайцев, живущих в России. Нынче летом в Гунгербурге (верстах пятидесяти от Петербурга) я спросил одного китайского разносчика шелковых материй, сколько их теперь в Петербурге – не менее 30 чел., а в Москве еще больше – и все они очень свободно говорят по-русски, а внутри европ[ейской] России и в Сибири, а также и в нашей Маньчжурии и Владивостоке. Мне говорили наши студенты, что студенты наши китайцы много читают русских писателей, есть между ними большие поклонники Чернышевского, а также Толстого. Сколько

миллионов наших инородцев финской, тюркской, монгольской рас знают хорошо по-русски. Припомните, что в Англии в Оксф[орде] и Ливерп[ульском] универс[итете] преподают историю России, русской литературы и русского языка. Как же русский язык не мировой? Сколько тысяч в России немцев, французов, итальянцев и англичан, прекрасно владеющих русским языком, и сколько из них обруселых, женатых на русских?

Вообще, западные европейцы знают Россию гораздо больше и лучше западных славян. Конечно, западные славяне Добровский, Миклошич, Вы лучше европейцев-славистов знаете русский язык и нашу старую письменность, но европейские политико-экономисты или историки искусства – лучше всех зап[адных] славян знают и понимают нашу старую архитектуру и современную живопись и изящную словесность, нашу промышленность и нашу торговлю, нашу армию, нашу науку – наших математиков, натуралистов, наших знатоков Востока, наших географов-путешественников по Сев[ерной] и Средней Азии, а также по южной М[алой] Азии и Палестине... Наша литература представляет целый ряд больших томов наших путешественников в Монголию и в Китай. Мы имеем несколько важных трудов о буддизме Васильева (синолога), Захарова, Минаева, Щербатского и друг. Как же, скажите, русский язык не мировой язык?» (СПбФ АРАН: 12–12 об.).

Возможно, Ламанский идеализировал реальность, к чему были склонны многие славянофилы, преувеличивал успехи русской культуры, литературы и языка. Тем не менее он был убежден, что эти успехи являются залогом сохранения и развития других народов Среднего мира и формирования славянства в единый всемирно-исторический народ. «Распространение русского языка и русской литературы за границей есть, конечно, один из высших интересов русского народа и всего славянства», – признавал он (Ламанский 1887: 482). Взгляды Ламанского на общеславянскую и даже политическую роль русского языка неоднократно оспаривались современниками. Первые критические отзывы встретила еще его магистерская диссертация, в которой он впервые приложил славянофильские идеи к славянской истории. Однако его исследование критиковалось не только за славянофильский уклон, но и за пропаганду языкового и литературного сближения славян.

Крижанич и Ламанский – две точки, в известной степени крайние в вопросе о всеславянском языке. Различия между ними во многом определяются и культурно-философским контекстом, и эпохами, в которые они жили. Идеи Крижанича были мотивированы культурой барокко. Славянофильские же взгляды Ламанского сформировались в русле романтической традиции, а на его учение о языке существенно

повлиял В. фон Гумбольдт (Куриянов 2016). В то же время Ламанский принадлежал уже другому поколению славянофильствующих мыслителей, чьи взгляды обнаруживают существенные отличия от подхода А.С. Хомякова и других ранних славянофилов (Куприянов 2018). Однако между ними обнаруживается и некоторая доля сходства. Речь идет не только о предвзятом отношении к немцам, которое проявилось у Крижанича в его неприятии протестантизма и «чужебесия» в целом, а у Ламанского в критике немецкого засилья в русской науке. Ламанский и Крижанич в большей степени были политическими мыслителями, чем учеными-филологами (Frančić 1974; Jedynak 2001). По крайней мере, их политические учения явно заслоняют их же заслуги перед языкознанием. С Крижанича ведут отсчет попыткам создать искусственный всеславянский язык. Ламанский же был убежденным сторонником принятия славянами русского языка в качестве общего литературного, научного и дипломатического. Тем не менее «искусственность» языка Крижанича сводилась к «исправлению» русской версии письменного церковнославянского языка, а Ламанский признавал известную искусственность любых письменных языков, в т.ч. и русского. Учения Крижанича и Ламанского подтверждают «повышенный интерес к языку в истории отечественной мысли» (Безлепкин 2017: 156).

ЛИТЕРАТУРА

Безлепкин 2017 – *Безлепкин Н.* Лингвофилософия К.С. Аксакова // Философский полилог: Журнал международного центра изучения русской философии. 2017. № 2. 155–168. DOI: <https://doi.org/1031119/phlog.2017.2.14>

Белокуров 1903 – *Белокуров С.А.* Из духовной жизни Московского общества XVII в. Юрий Крижанич в России. М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1903. 632 с.

Будилович 1872 – *Будилович А.С.* Мечта ли панславизм? // Беседа. 1872. Кн. I. Отд. I. С. 195–215.

Будилович 1875 – *Будилович А.С.* О современном положении и взаимных отношениях славян западных и южных. Речь, произнесенная в заседании Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета 3 ноября 1874 г. действительным членом А.С. Будиловичем // Славянский сборник. СПб.: Санкт-Петербургское отделение славянского благотворительного комитета, 1875. Т. I. С. 585–604.

Будилович 1877 – *Будилович А.С.* О литературном единстве народов славянского племени // Славянский сборник. СПб.: Санкт-Петербургское отделение славянского благотворительного комитета, 1877. Т. II. Отд. III. С. 1–15.

Будилович 1892a – *Будилович А.С.* Славянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава: В Типографии Марии Земкевич, 1892. Т. 1. 437 с.

Будилович 1892b – *Будилович А.С.* Славянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава: В Типографии Марии Земкевич, 1892. Т. 2. 377 с.

Запольская 2002 – *Запольская Н.Н.* «Общеславянский» язык как лингвистическая утопия // Утопия и утопическое в славянском мире. М.: Издатель Степаненко, 2002. С. 21–34.

Запольская 2003 – *Запольская Н.Н.* «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М.: Индрик, 2003. 240 с.

Киселева 2015 – *Киселева М.С.* Война, вера и власть в культурном контексте Московского царства 50–70-х гг. XVII в.: Симеон Полоцкий и Юрий Крижанич // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 101–112.

Крижанич 1859 – *Крижанич Ю.* Граматично исказанје об руском језику. М.: В университетской типографии, 1859. 284 с.

Крижанич 1891 – *Крижанич Ю.* Објасњење виводно о писме словенском // Собрание сочинений Юрия Крижанича. М.: Университетская типография, 1891. Вып. I. С. 27–75.

Кулаковский 1885 – *Кулаковский П.* Опыт истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян. Варшава: В типографии К. Ковалевского, 1885. 57 с.

Куприянов 2018 – *Куприянов В.А.* Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А.С. Хомяков и В.И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2. С. 21–33.

Куприянов 2016 – *Куприянов В.А.* Структура Европы в философско-историческом учении В.И. Ламанского // Вече. 2016. № 28. С. 215–222.

Ламанский 1875 – *Ламанский В.И.* Видные деятели западнославянской образованности в XV, XVI и XVII веках. Историко-литературные и культурные очерки // Славянский сборник. СПб.: Санкт-Петербургское отделение славянского благотворительного комитета, 1875. Т. 1. С. 417–418.

Ламанский 1859 – *Ламанский В.И.* Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1859. 229 с.

Ламанский б.г. – *Ламанский В.И.* Лекции по славянским наречиям, читанные профессором С.-Петербургского университета В.И. Ламанским за 1880–81 акад. год [СПб.: Литография Гробовой. Б. г. 233 с.

Ламанский 1864 – *Ламанский В.И.* Из записок о славянских землях. Сербия и южнославянские провинции Австрии // Отечественные записки. 1864. Т. 52. С. 649–702.

Ламанский 1865a – *Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб.: В типографии А.А. Краевского, 1865a. 92 с.

Ламанский 1865b – *Ламанский В.И.* Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. 4 апреля 1865. СПб.: типография Куколь-Яснопольского, 1865b. 64 с.

Ламанский 1867 – *Ламанский В.И.* Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете. Часть I. Изучение славянства и русское народное самосознание // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. CXXXIII. С. 116–153.

Ламанский 1869 – *Ламанский В.И.* Непорешенный вопрос. Статья I. Об историческом образовании славянского и русского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. CXLI. С. 122–163.

Ламанский 1871 – *Ламанский В.И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб.: типография Майкова, 1871. 316 с.

Ламанский 1887 – *Ламанский В.И.* Русский язык вместо немецкого, славянское богослужение вместо латинского // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 10. С. 479–488.

Лаппо-Данилевский 2005 – *Лаппо-Данилевский А.С.* История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag GmbH & Co., 2005. 462 с. + XXXII с.

Матхаузерова 1996 – *Матхаузерова С.* Барочный славизм // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 149–154.

Никоненко 1996 – *Никоненко В.С.* Русская философия накануне Петровских реформ. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. 216 с.

Ослон 2009 – *Ослон М.В.* Акцентная система языка Юрия Крижанича: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2009. 26 с.

Пащенко 2014 – *Пащенко Е.Н.* Деятельность Юрия Крижанича в контексте украинского барокко // Филологические заметки. 2014. № 1. С. 93–108.

Пушкарёв 1984 – *Пушкарёв Л.Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М.: Наука, 1984. 214 с.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 78.

Чуркина 1998 – *Чуркина И.В.* Вопрос об общеславянском литературном языке (конец XVIII–XIX в.) // Славянская идея: история и современность. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1998. С. 22–36.

Eberhardt 2010 – *Eberhardt P.* Rosyjski panslawizm jako idea geopolityczna // Przegląd geopolityczny. 2010. Т. 2. S. 43–64.

Falski 2011 – *Falski M.* Wspólnota krwi, różnica wyznania. Rosja jako znak w chorwackich narracjach historyzoficznych do 1914 roku // Semantyka Rosji na Bałkanach. Colloquia Balkanica. Warszawa: DIG, 2011. Т. 1. S. 91–107.

Frančić 1974 – *Frančić M.* Juraj Križanić, ideolog absolutyzmu. Warszawa; Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. 133 s.

Jedynak 2001 – *Jedynak S.* Myśl filozoficzno-społeczna Juraja Križanica // SÓFIA. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich. 2001. № 1. S. 84–94.

Malinov, Kupriyanov 2019 – *Malinov A.V., Kupriyanov V.A.* Vladimir Laman-sky in Saint Petersburg University // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, вып. 1. С. 211–221. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.112

Wiesław 1986 – *Wiesław B.* Studia nad dialektem czakawskim Juraja Križanicia: akcentuacija rzeczowników. Wrocław: Ossolineum, 1986. 127 s.

REFERENCES

Bezlepkin, N.I. (2017) Konstantin Aksakov's language philosophy. *Filosofskiy polilog*. 2. pp. 155–168 (in Russian). DOI: <https://doi.org/1031119/phlog.2017.2.14>

Belokurov, S.A. (1903) *Iz dukhovnoy zhizni Moskovskogo obshchestva XVII v. Yuriy Krizhanich v Rossii* [From the spiritual life of the Moscow society of the 17th century. J. Križanić in Russia]. Moscow: Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete.

Budilovich, A.S. (1872) Mechta li panslavizm? [Is Pan-Slavism a Dream?]. *Beseda*. 1. pp. 195–215.

Budilovich, A.S. (1875) O sovremennom polozhenii i vzaimnykh otnosheniyakh slavyan zapadnykh i yuzhnykh. Rech', proiznesennaya v zasedanii Peterburgskogo otdela Slavyanskogo blagotvoritel'nogo komiteta 3 noyabrya 1874 g. deystvitel'nym chlenom A.S. Budilovichem [On the current situation and mutual relations of the West and South Slavs. A speech delivered at the meeting of the St. Petersburg Department of the Slavic Charitable Committee on November 3, 1874 by Full Member A.S. Budilovich]. *Slavyanskiy sbornik*. 1. pp. S. 585–604.

Budilovich, A.S. (1877) O literaturnom edinstve narodov slavyanskogo plemeni [On the literary unity of the Slavic peoples]. *Slavyanskiy sbornik*. 2. pp. 1–15.

Budilovich, A.S. (1892a) *Slavyanskiy yazyk v ryadu drugikh obshchikh yazykov drevney i novoy Evropy* [Slavic is among other common languages of ancient and new Europe]. Vol. 1. Warsaw: Maria Zemkevich.

Budilovich, A.S. (1892b) *Slavyanskiy yazyk v ryadu drugikh obshchikh yazykov drevney i novoy Evropy* [Slavic is among other common languages of ancient and new Europe]. Vol. 2. Warsaw: Maria Zemkevich.

Zapolskaya, N.N. (2002) "Obshcheslavyanskiy" yazyk kak lingvisticheskaya utopiya ["Common Slavic" language as a linguistic utopia]. In: Sofronova, L.A. & Kurenayaya, N.M. (eds) *Utopiya i utopicheskoe v slavyanskom mire* [Utopia and Utopian in the Slavic world]. Moscow: Stepanenko. pp. 21–34.

Zapolskaya, N.N. (2003) "Obshchiy" slavyanskiy literaturnyy yazyk: tipologiya lingvisticheskoy refleksii ["Common" Slavic literary language: a typology of linguistic reflection]. Moscow: Indrik.

Kiseleva, M.S. (2015) *Voyna, vera i vlast' v kul'turnom kontekste Moskovskogo tsarstva 50–70-kh gg. KhVII v.: Simeon Polotskiy i Yuriy Krizhanich* [War, faith and power in the cultural context of Muscovy of the 1650–70s: Simeon Polotsky and Juraj Križanić]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 101–112.

Križanić, J. (1859) *Gramatichno iskazanje ob ruskom jeziku*. Moscow: V universitetskoj tipografii.

Križanić, J. (1891) *Sobranie sochineniy Yuriya Krizhanicha* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 27–75.

Kulakovsky, P. (1885) *Opyt istorii popytok resheniya voprosa ob edinom literaturnom yazyke u slavyan* [History of attempts to solve the problem of a common literary language among the Slavs]. Warsaw: V tipografii K. Kovalevskogo.

Kupriyanov, V.A. (2018) Russia and Europe in the early and late Slavophile philosophy (A.S. Khomiakov and V.I. Lamanskii). *Solov'evskie issledovaniya – Solovyev Studies*. 2. pp. 21–33 (in Russian).

Kupriyanov, V.A. (2016) Struktura Evropy v filosofsko-istoricheskom uchenii V.I. Lamanskogo [The structure of Europe in the philosophical and historical doctrine of V.I. Lamansky]. *Veche*. 28. pp. 215–222.

Lamanskii, V.I. (1875) Vidnye deyateli zapadnoslavyanskoy obrazovannosti v XV, XVI i XVII vekakh. Istoriko-literaturnye i kul'turnye ocherki [Prominent figures of West Slavic education in the 15th, 16th and 17th centuries. Historical, literary and cultural essays]. *Slavyanskiy sbornik*. 1. pp. 417–418.

Lamanskii, V.I. (1859) *Istoricheskie zamechaniya k sochineniyu "O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii"* [Historical remarks to the essay "On the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain"]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Lamanskii, V.I. (n.d.) *Leksii po slavyanskim narechiyam, chitannye professorom S.-Peterburgskogo universiteta V.I. Lamanskim za 1880–81 akad. god* [Lectures on Slavic dialects, by Professor of the St. Petersburg University V.I. Lamansky for 1880–81 academic year]. St. Petersburg: Litografiya Grobovoy.

Lamanskii, V.I. (1864) Iz zapisok o slavyanskikh zemlyakh. Serbiya i yuzhnoslavyanskije provintsii Avstrii [From notes on the Slavic lands. Serbia and the South Slavic provinces of Austria]. *Otechestvennye zapiski*. 152. pp. 649–702.

Lamanskii, V.I. (1865a) *Natsional'nosti ital'yanskaya i slavyanskaya v politicheskom i literaturnom otnosheniyakh* [Italian and Slavic nationalities in political and literary relations]. St. Petersburg: V tipografii A.A. Kraevskogo.

Lamanskii, V.I. (1865b) *Stoletnyaya pamyat' Mikhailu Vasil'evichu Lomonosovu. 4 aprelya 1865* [Centennial of Mikhail Vasilyevich Lomonosov. April 4, 1865]. St. Petersburg: Kukol'-Yasnopol'sky.

Lamanskii, V.I. (1867) Chteniya o slavyanskoy istorii v Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete. Chast' I. Izuchenie slavyanstva i russkoe narodnoe samosoznanie [Readings on Slavic history at Imperial St. Petersburg University. Part I. The study of Slavism and the Russian national identity] *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CXXXIII. pp. 116–153.

Lamanskii, V.I. (1869) *Neporeshennyi vopros. Stat'ya I. Ob istoricheskom obrazovanii slavyanskogo i russkogo yazyka* [Unresolved question. Article 1. On historical formation of the Slavic and Russian languages]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CXLI. pp. 122–163.

Lamanskii, V.I. (1871) *Ob istoricheskom izuchenii greko-slavyanskogo mira v Evrope* [On the historical study of the Greco-Slavic world in Europe]. St. Petersburg: Tipografiya Maykova.

Lamanskii, V.I. (1887) *Russkiy yazyk vmesto nemetskogo, slavyanskoe bogoslužhie vmesto latinskogo* [Russian instead of German, Slavonic worship instead of Latin]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*. 10. pp. 479–488.

Lappo-Danilevsky, A.S. (2005) *Istoriya politicheskikh idey v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim khodom ee kul'tury i politiki* [The history of political ideas in Russia in the 18th century in connection with the general course of its culture and politics]. Cologne, Weimar, Vienna: Böhlau Verlag GmbH & Co.

Matkhauzerova, S. (1996) *Barochnyy slavizm* [Baroque Slavicism]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 50. pp. 149–154.

Nikonenko, V.S. (1996) *Russkaya filosofiya nakanune Petrovskikh reform* [Russian philosophy on the eve of Peter's reforms]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Osłon, M.V. (2009) *Aktsentnaya sistema yazyka Yuriya Krizhanicha* [The accent system of Juraj Križanić's language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Pashchenko, E.N. (2014) *Deyatel'nost' Yuriya Krizhanicha v kontekste ukrain-skogo barokko* [Juraj Križanić's activities in the context of Ukrainian Baroque]. *Filologicheskie zametki*. 1. pp. 93–108.

Pushkarev, L.N. (1984) *Yuriy Krizhanich. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Juraj Križanić. Essay on Life and Work]. Moscow: Nauka.

The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 35. List 1. File 78.

Churkina, I.V. (1998) *Vopros ob obshcheslavyanskom literaturnom yazyke (konets XVIII–XIX v.)* [The question of the common Slavic literary language (the late 18th – 19th centuries)]. In: Dyakov, V.A. (ed.) *Slavyanskaya ideya: istoriya i sovremennost'* [Slavic Idea: Past and Present]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies, RAS. pp. 22–36.

Eberhardt, P. (2010) *Rosyjski panslawizm jako idea geopolityczna* [Russian Pan-Slavism as a Geopolitical Idea]. *Przegląd geopolityczny*. 2. pp. 43–64.

Falski, M. (2011) *Wspólnota krwi, różnica wyznania. Rosja jako znak w chowackich narracjach historiozoficznych do 1914 roku* [Community of blood, difference of religion. Russia as a sign in Christian historiosophic narratives until 1914]. In: Sujęcka, J. (ed.) *Semantyka Rosji na Bałkanach. Colloquia Balkanica* [Semantics of Russia in the Balkans. Colloquia Balkanica]. Vol. 1. Warsaw: DIG. pp. 91–107.

Frančić, M. (1974) *Juraj Križanić, ideolog absolutyzmu* [Juraj Križanić, ideologist of absolutism]. Warsaw; Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Jedynak, S. (2001) *Myśl filozoficzno-społeczna Juraja Križanica* [The philosophical and social thought of Juraj Križanic]. *ΣΟΦΙΑ. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich*. 1. pp. 84–94.

Malinov, A.V. & Kupriyanov, V.A. (2019) Vladimir Lamanskii in St. Petersburg University. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija – Vestnik of St. Petersburg University. History*. 64 (1). pp. 211–221 [in Russian]. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.112

Wiesław, B. (1986) *Studia nad dialektem czakawskim Juraja Križanica: akcentuacja rzeczowników* [Studies on the Chakavian dialect of Juraja Križanić: accentuation of nouns]. Wrocław: Ossolineum.

Малинов Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Alexey V. Malinov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Миљчарек Михал – кандидат философских наук, адъюнкт кафедры культуры восточных славян Института восточнославянской филологии Ягеллонского университета (Польша).

Michał Milczarek – Jagiellonian University (Polska).

E-mail: norylskinikiel@gmail.com